АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Наталья
АЛЕКСАНДРОВА

У индейцев Южной Америки была легенда про смертоносный цветок…

Цветок смерти

Наталья Николаевна Александрова

Цветок смерти

Серия «Артефакт & Детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74925366
Цветок смерти:
ISBN 978-5-04-258382-7

Аннотация

Капитан Лебедкин и его энергичная напарница Дуся берутся за новое дело. Прямо в оранжерее убит директор ботанического сада, а редкий цветок смерти исчез. По горячим следам сыщики выходят на загадочную спутницу погибшего, но вскоре и саму незнакомку находят мертвой. Главная подозреваемая унесла свою тайну в могилу.

Ситуация запутывается еще сильнее, когда выясняется, что в городе орудует хитрый преступник, превращающий места убийств в жуткие инсталляции. К тому же бесследно пропадает важная свидетельница. Расследование грозит зайти в тупик, но для предприимчивой Дуси и решительного капитана нет ничего невозможного!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 38

Наталья Николаевна Александрова
Цветок смерти

© Александрова Н.Н., 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

– Мальчик, не трогай эти ягоды, они очень горькие! – Валентина Павловна по своему многолетнему опыту знала, что в каждой группе найдется хотя бы один ребенок, который попытается сорвать и съесть плод путерии прямолистной. Эти плоды очень похожи на крупные вишни, чем и вводят детей в заблуждение.

Мальчик лет восьми недоверчиво покосился на экскурсовода, неохотно отошел от куста путерии, мать взяла его за руку и что-то вполголоса выговорила.

Валентина Павловна протерла очки, запотевшие в жарком и влажном воздухе оранжереи, и продолжила экскурсию:

– А сейчас вы видите перед собой одно из редчайших растений, представленных в нашей коллекции. – Она показала на невзрачный кустик с мелкими серо-зелеными листьями. – Это амарильда морталис, кустарник, произрастающий в глубине горных лесов Тропической Гвианы. Этот кустарник известен тем, что расцветает всего один раз в течение своего биологического цикла, и сразу же после того, как цветок рас-

кроется, в нем появляются семена, содержащие очень сильный нервно-паралитический яд. Этим ядом индейцы отравляли свои стрелы.

– Индейцы? – подал голос предприимчивый мальчик. – Разве индейцы живут в Африке?

– Почему в Африке? – растерялась Валентина Павловна.

– Так вы же сказали, что этот кустик растет в Гвинее.

– Не в Гвинее, а в Гвиане! А Тропическая Гвиана расположена в Южной Америке.

Мальчик недоверчиво замолчал, Валентина Павловна откашлялась и продолжила:

– Кстати, наше растение должно расцвести очень скоро, буквально в ближайшие дни…

– Безобразие! – подала голос мать предприимчивого мальчика.

– Что именно вы имеете в виду? – удивленно спросила ее Валентина Павловна.

– Безобразие, что вы держите на виду такое опасное растение! Здесь кто угодно может отравиться этими семенами! – При этом она покосилась на своего отпрыска и крепче сжала его руку.

Глаза самого мальчика загорелись.

– Не беспокойтесь, амарильда морталис расцветает только ночью, так что вашему сыну ничто не угрожает!

– Кто говорит о моем сыне? – фыркнула женщина.

В это время к группе торопливо подошла молодая сотруд-

ница Ботанического сада, Вика Корюшкина, округлила бледно-голубые глаза и громким взволнованным шепотом сообщила Валентине Павловне:

– Валечка Павловна, вас срочно вызывает Глеб Михайлович! Очень срочно!

– Но ты же видишь, Вика, я провожу экскурсию… неужели он не может подождать?!

– Он рвет и мечет, рвет и мечет! Идите к нему, а экскурсию я закончу вместо вас…

Валентина Павловна обреченно вздохнула и отправилась в кабинет директора, расположенный в административном корпусе, рядом с большой пальмовой оранжереей.

Когда она подходила к директорскому кабинету, оттуда выпорхнула молодая брюнетка в красном платье, с темными, навыкате, глазами и фигурой типа песочные часы. Валентина Павловна уже видела эту особу в коридорах административного корпуса.

Брюнетка проскользила мимо Валентины Павловны, как ветвь, полная плодов и листьев, обдав ее облаком приторного парфюма, и растворилась в полутьме коридора.

Глеб Михайлович, упитанный вальяжный мужчина лет сорока с намечающимися залысинами, поднял глаза на вошедшую женщину и неприязненно проговорил:

– Валентина Павловна, вы меня хорошо знаете.

«Уж это точно», – подумала Валентина Павловна.

Директор был ей малосимпатичен. И дело даже не в том,

что он был груб – груб со всеми: со старшими научными сотрудниками, с младшим обслуживающим персоналом, с охранниками и уборщиками.

Нет, разумеется, он не орал и не ругался матом, не топал ногами и не швырял на пол подвернувшиеся под руку канцелярские принадлежности. Он просто разговаривал со всеми таким тоном, который Валентина Павловна считала хамским.

А он считал свой тон исключительно деловым и очень удивился бы, если бы кто-то попытался ему объяснить, что это не так.

Впрочем, никому из сотрудников не приходило такое в голову, тем более Валентине Павловне.

Но грубость можно было бы перетерпеть, если бы директор хоть что-то понимал в своей работе. Но нет, он абсолютно не разбирался не только в сложных и редких экзотических растениях, которыми славится Ботанический сад, но даже не различал самые обычные цветы и кусты.

Валентина Павловна своими ушами слышала, как директор, давая интервью сотрудникам СМИ по поводу какого-то праздника, назвал форзицию яйцевидную чубушником Лемуана!

Злые языки из бухгалтерии, где все всегда знают, говорили, что и получил директор эту должность потому, что у него диплом какого-то сельскохозяйственного института, так что высшее начальство посчитало, что ему вроде бы руководство

Ботаническим садом как раз по профилю. Валентина Павловна такие разговоры не поддерживала, полагая, что нехорошо обсуждать человека за спиной. Но директор был ей несимпатичен, поэтому сейчас не ждала она от него ничего хорошего.

– Вы знаете, что я – человек прямой, – продолжал директор, – и не люблю ходить вокруг да около, так что скажу как есть.

– Я вас слушаю, – сказала Валентина Павловна, стараясь, чтобы голос ее не дрожал.

– Валентина Павловна, мы с вами должны расстаться! – выпалил директор, поставив на стол внушительные кулаки.

– В каком смысле? – пролепетала она.

– В самом прямом. Вы и так уже несколько лет на пенсии, сколько можно? Нужно освободить дорогу молодым!

– Но я работаю в Ботаническом саду уже тридцать… даже тридцать пять лет… – Как ни старалась Валентина Павловна, голос ее предательски дрогнул.

– Вот и я о том же! Тридцать пять лет – это слишком долго, пора и честь знать!

– Но я… но у меня огромный опыт!

– Мы вам очень признательны, но нельзя жить одним прошлым! И это не обсуждается! Я намерен вдохнуть в Ботанический сад новую свежую кровь…

– Влить, – пробормотала Валентина Павловна машинально.

– Что? – Директор удивленно уставился на нее.

– Если кровь, то ее можно влить. Кровь – это жидкость, ее нельзя вдохнуть.

– Что вы несете? Я же говорю, вам давно пора на пенсию! – рявкнул директор как разбуженный не вовремя медведь.

– Но, Глеб Михайлович, сейчас я никак не могу уйти, ведь вот-вот расцветет амарильда морталис…

– У вас все время что-нибудь расцветает! Сегодня маринада моргалис, завтра еще что-нибудь…

– Амарильда морталис! – уныло поправила директора Валентина Павловна.

– Вот именно!

– Это редчайшее событие, оно происходит раз в сто лет…

– Вот именно! Мы должны шагать в ногу со временем, а вы вспоминаете события столетней давности! Вы работаете по старинке! Так нельзя!

– Но ее цветение – это очень серьезное и даже опасное событие, я должна проконтролировать его…

– Незаменимых у нас нет! Ваши методы безнадежно устарели! На ваше место мы уже нашли первоклассного специалиста самой высокой квалификации…

При этих словах директора Валентина Павловна невольно вспомнила фигуристую брюнетку, с которой столкнулась в коридоре.

Не она ли – тот самый первоклассный специалист? Не ее ли директор прочит на место Валентины Павловны?

– Но я несу ответственность… – снова заговорила она. – Если что-нибудь произойдет…

– Нет, уже не несете. С завтрашнего дня вы у нас больше не работаете. Я распорядился в бухгалтерии, чтобы вам выплатили выходное пособие в размере месячного оклада, но это все, что я могу для вас сделать… На этом все!

– Постойте! – спохватилась Валентина Павловна. – Но так нельзя! Полагается предупредить за две недели!

– Вот и считайте, что я вас предупредил, но ходить на работу не нужно. Спасибо вам за вашу многолетнюю работу… – Глеб Михайлович поднялся из-за стола, обошел его и протянул руку.

Валентина Павловна растерянно взглянула на эту руку, не понимая, чего ждет от нее директор. Наконец она тоже подняла руку, директор ухватил ее и потряс, после чего деликатно, но недвусмысленно подтолкнул бывшую сотрудницу к двери кабинета.

Валентина Павловна открыла глаза, потому что луч солнца, пробившийся сквозь щель в занавесках, ласково и приветливо тронул ее за щеку. Глаза тут же ослепило, и Валентина Павловна машинально отмахнулась, как будто солнечный луч был живой. Потом закрыла глаза, чтобы ушла мутная пелена. Аккуратно повернулась на бок и снова открыла глаза.

Занавески шевельнулись от ветерка, который проник в

комнату, и неугомонный луч снова тронул ее за щеку.

Валентина Павловна наконец осознала, что на дворе позднее утро. Обычно она вставала очень рано, когда солнце еще не могло добраться до ее окна.

Что такое, неужели она проспала? Ей же на работу!

Валентина Павловна рывком села на кровати, и тут комната внезапно закружилась перед ней, так что она вцепилась в прикроватную тумбочку, что стояла рядом.

Через некоторое время комната перестала кружиться, тогда Валентина Павловна попыталась рассмотреть время на настенных часах, что висели напротив. Не увидела и стала шарить по тумбочке в поисках очков, нечаянно задела стакан с водой, вода пролилась на кровать, и когда Валентина Павловна нашла злополучные очки, то оказалось, что и правда уже одиннадцатый час.

Никогда раньше она не спала так долго!

Что делать? Она опоздала на работу, а у нее и так уже очень плохие отношения с директором Варениковым!

Валентина Павловна спустила ноги с кровати, чтобы вскочить, бежать или хотя бы позвонить… но не стала ничего делать.

Потому что вспомнила, что на работу ей не нужно больше торопиться. Вообще не нужно туда ходить. Потому что ее уволили. Точнее, еще не уволили, но через две недели точно уволят. А пока, сказал директор, можете на работу не выходить, мы вам пойдем навстречу и оформим все задним чис-

лом.

И при этом улыбнулся, показав зубы. Улыбка у него противная, похожая на оскал.

Валентина Павловна держалась хорошо, ушла с прямой спиной и твердо сжатым ртом, не стала собирать вещи, потому что руки тряслись. Наверное, потому она сумела сохранить лицо, что до нее не дошло сразу, что она потеряла работу.

А ведь работа была для нее всем. У нее не было ни семьи, ни мужа, ни детей, братьев и сестер тоже не было.

Откровенно говоря, она не представляла, как проживет без работы. Она так к ней привыкла!

Неужели она больше не будет приходить в Сад раньше всех, не будет больше задерживаться в оранжерее, не будет ласково разговаривать с растениями, а они не будут тянуться к ней, шелестя, как будто рассказывая о себе?..

Все это нахлынуло на Валентину Павловну уже дома, в квартире. И хорошо, что она сразу выпила свое лекарство, потому что сердце билось, будто она пробежала несколько километров, и в ушах стучало, будто сваи забивают.

Ночью она очень долго не могла уснуть, считала овец, слонов и растения семейства крестоцветных, но это не помогло, так что пришлось снова принимать таблетки, от них голова стала тяжелая и гулкая, как пустой котел, и Валентина Павловна наконец забылась тревожным сном. А потом никак не могла проснуться.

Ну, теперь незачем беспокоиться, она никуда не опоздает, и никто ее не станет ругать.

Валентина Павловна тяжело вздохнула и нашарила ногой тапочки. Нужно взять себя в руки и не давать отрицательным эмоциям ходу. В конце концов, она не больна, голова в порядке, а работа… Что ж, жизнь вечно подсовывает неприятные сюрпризы, она давно уже не ждет от нее ничего хорошего.

От этой мысли Валентине Павловне не то чтобы полегчало, но голова перестала кружиться, и перед глазами не стояла уже мутная пелена. Нужно принять душ, а потом выпить кофе. Но, проходя мимо кухни, она решила все же начать с кофе. Торопиться ей сейчас некуда, так что времени на все хватит.

Обидно, конечно, что не удалось ей увидеть цветение амарильды морталис.

Цветок смерти расцветает раз в сто лет.

Она так ждала его цветения, проверяла каждый час, бегала в оранжерею, как девочка на свидание. И пыталась объяснить этому мужлану и хаму Варенникову, как для нее важно увидеть это цветение. Но разве он поймет?..

Валентина Павловна в который раз тяжело вздохнула и сосредоточилась на кофе.

Кофеварка была старая и работала плохо, так что Валентина Павловна воспользовалась обычной медной туркой.

Стоя у плиты, она нашла пульт и машинально включи-

ла маленький телевизор. Она делала это каждое утро, чтобы узнать прогноз погоды. Сейчас не было в этом необходимости, но руки сами выполняли привычные действия.

Как раз заканчивались новости, и тут…

– Ужасная трагедия случилась сегодня в Ботаническом саду! – заговорила ведущая. – Сотрудники, придя на работу, нашли в оранжерее своего директора мертвым…

Ведущая еще что-то говорила, но Валентина Павловна застыла, глядя на экран телевизора. Она видела вход в Ботанический сад, знакомую оранжерею, растения, стоящие по бокам высоким зеленым коридором… А вот в конце…

Ведущая ткнула микрофон в лицо какому-то мужчине.

Да это же охранник Николай!

Он что-то говорил, но Валентина Павловна видела только, как шевелятся его губы.

Пых! Это кофе сбежал и с шумом вылился на плиту. Руку обожгло болью, и Валентина Павловна пришла в себя.

Сюжет кончился, но она точно знала, что случилось. Надо же, а ведь она могла директора предупредить… Но не стала. Нет ей прощения, ведь человек умер!..

Последнюю мысль она додумывала уже на бегу, наскоро натягивая на себя одежду. Нужно срочно бежать в Сад!

Валентина Павловна не помнила, как она добралась до Сада… кажется, на автобусе… или же бежала всю дорогу. Она жила близко и в хорошую погоду всегда ходила на работу

пешком.

Тридцать пять лет…

Ворота Сада были закрыты, висело объявление, что закрыто по техническим причинам.

– Понятно… – пробормотала Валентина Павловна и торопливо пошла вдоль ограды, не пытаясь сунуться в калитку для сотрудников, все равно не пустят. К тому же ей вовсе не нужно было попасть в административное здание, ей нужно было в тропическую оранжерею. Потому что она точно знала, где все случилось.

Она шла и шла вдоль кованой ограды, потом остановилась напротив старого деревянного здания, которое находилось внутри Сада. Когда-то давно – сто, а может, и больше лет назад – там находились службы, а теперь здание просто стояло без применения, кажется, туда складывали все ненужное.

Валентина Павловна отсчитала от угла четыре прута решетки и осторожно качнула пятый. Так и есть, он легко сдвинулся, и она протиснулась в Сад. Это сделали предприимчивые студенты из находящегося рядом Электротехнического института много лет назад, им лень было тащиться до главного входа, тем более там еще и деньги нужно платить.

Первое время администрация Сада пыталась заделать решетку, но потом отступилась.

Никого не встретив, Валентина Павловна быстро добралась до оранжереи. У входа стояли несколько машин полиции и еще одна машина, про которую Валентина Павловна

поняла обостренным чутьем, что это труповозка. Она воспользовалась тем, что полицейский на входе отвернулся, и попыталась проскочить внутрь.

– Гражданочка! – опомнился парень. – Туда посторонним вход запрещен!

– Пустите меня, пустите! – закричала Валентина Павловна. – Это я, я во всем виновата! Это из-за меня он умер!

– Что за шум? – В дверях оранжереи возник коренастый тип, по которому сразу видно было, что он тут старший. – Чего гражданка скандалит?

– Говорит, что она виновата в его смерти…

– Я, я и только я! – подтвердила Валентина Павловна, схватившись за сердце. – Я повела себя безответственно, я непременно должна была его предупредить! А я дала себе волю, пошла на поводу у своей мелкой обиды… Я должна была настоять!

– Так, – сказал коренастый, – вы вообще кто такая? Вы здесь работаете?

– А я Колобкова. – Валентина Павловна остановилась перевести дух. – Колобкова Валентина Павловна, старший научный сотрудник. Я виновата в его смерти!

Тут мимо нее прошли санитары и пронесли на носилках длинный черный мешок из пластика, и Валентина Павловна прижала руку к груди, пытаясь унять расходившееся сердце.

– Так, – снова сказал коренастый многообещающим голосом, – а документы у вас имеются?

Валентина Павловна подала ему пропуск на работу.

– Так, – в который раз сказал он, ознакомившись, – значит, вы, гражданка, утверждаете, что это вы виновны в убийстве гражданина Вареникова Глеба Михайловича?..

– Ну да…

– То есть это вы вошли в оранжерею ночью, пырнули его ножом и оставили умирать?

– Ка… каким ножом? – оторопела Валентина Павловна. – Разве его убили ножом?

– Именно так, пырнули ножом в печень, и он истек кровью…

– Но я думала, что его убила амарильда морталис…

– Какая еще Марильда? Это еще кто такая? Она тоже здешняя сотрудница?

– Нет, это не сотрудница…

– А кто же? Посторонняя?

– Нет… это растение… цветок смерти…

– Не запутывайте меня! Лучше скажите, вы где были ночью… в два часа?

– Дома…

– Сюда не приходили?

– Нет…

В процессе разговора они медленно продвигались по оранжерее и наконец дошли до того места, где в отдельном закутке находилась та самая злополучная амарильда морталис, которая должна была расцвести буквально на днях.

Валентина Павловна бросила на нее взгляд и остолбенела. Не было никакого цветка. Остался только жалкий невзрачный кустик. И никакого бутона.

Бутон был большой, белый, он долго рос и наливался, вот уже из-под белого проглядывало розовое, и Валентина Павловна с замиранием сердца представляла, что приходит она в оранжерею и видит, как бутон раскрывается прямо на ее глазах. По мнению ученых, амарильда морталис цветет раз в сто лет, но в данном случае никто не знал точного возраста этого цветка.

И Валентина Павловна терпеливо ждала момента цветения. И никому не говорила об этом, боясь сглазить.

И вот что случилось.

Цветок раскрылся, поняла Валентина Павловна, он раскрылся и отцвел. Но где же, где он?

Цветок был аккуратно срезан. Вместе с семенами.

– Вот что, гражданка, – строго сказал коренастый полицейский, – идите домой и не мешайте разыскным мероприятиям. Если понадобитесь, вас вызовут.

Полицейский довольно деликатно, но настойчиво взял ее за локоть и препроводил к выходу. Валентина Павловна хотела сказать ему, что сама дойдет до дырки в заборе, так гораздо ближе, но вовремя опомнилась и промолчала.

У входа стоял охранник Николай и откровенно скучал. Ворота были закрыты, с той стороны никто не пытался заглянуть через решетку, и со стороны Сада тоже никого не было.

Полицейские были заняты в оранжерее, сотрудников на работу не пустили, так что Николаю было решительно нечего делать.

– Паллна! – обрадовался он, увидев Валентину Павловну в сопровождении полицейского. – Ты как здесь? Тебя замели, что ли? Дело шьют?

– Не болтай глупости! – строго сказала Валентина Павловна.

Узнав про то, что директора зарезали, она не то чтобы успокоилась, но обрела способность мыслить здраво.

Стало быть, цветок смерти здесь ни при чем. Но куда же он тогда делся?

Полицейский, убедившись, что беспокойная гражданка в порядке, ушел, а Валентина Павловна задержалась у будочки охранника.

– Вот ты мне скажи, Николай, – они с охранником знали друг друга так давно, что уж и не помнили сколько, – как все случилось? И откуда СМИ об этом узнали – конкретно девятнадцатый канал, где твоя племянница Дарья работает?

– А что ж, – обидчиво хмыкнул Николай, – что ж, я не могу племяннице помочь по-родственному? Девочка должна карьеру делать… Значит, слушай сюда. – Он поманил Валентину Павловну в будку и усадил на шаткий стул. – Пошел я утром прогуляться. Сейчас погода хорошая, тепло, и птицы поют с раннего утра – прямо спать не дают! Ну, иду это я, смотрю – оранжерея не закрыта. Думаю, как же так, что

ж такое? Непорядок! Думал, забыли закрыть. Еще сам себе сказал, что, если бы Паллна была на работе, она бы такого не допустила.

– А ты знаешь, что меня Варенников уволил?

– Да все уже знают! – отмахнулся Николай. – Только это все фигня, потому что по закону он не имел права этого делать, тетки из бухгалтерии говорили. Обязан был предупредить за две недели. Так что ты не парься по этому вопросу.

– Ладно, про меня потом. Каким образом он ночью в оранжерее оказался? С работы не уходил?

– Ты, Паллна, прямо как полиция, – прищурился Николай, – они то же самое спрашивали.

– И что?

– Да ничего, ушел он вчера в пять часов, как обычно, у меня все отмечено в журнале, машина его выехала, а за каким чертом он снова в Сад приехал, я без понятия. И зачем в ту оранжерею полез, тоже неясно. А я, значит, иду там, никого нету, ну, думаю, забыли девчонки закрыть. А как пришел в самый конец – мама дорогая! Лежит наш Глеб Михалыч на полу, и лужа крови вокруг. Ну, я, конечно, полицию вызвал, скорую и Дашке позвонил.

Тут снаружи нетерпеливо просигналила полицейская машина, и Валентина Павловна поняла, что нужно ей уходить от греха подальше.

Типуана скользнула под нижние ветки огромного дерева и

застыла, прислушиваясь.

Лес вокруг нее жил своей обычной жизнью. На десятки голосов пели птицы, жужжали и стрекотали бесчисленные насекомые. Но кроме этих привычных звуков было и еще что-то.

Где-то неподалеку треснул сучок, прошуршали листья…

По лесу шли люди.

Они искали ее, Типуану, они охотились на нее…

Она замерла, стараясь даже не дышать.

На ее ногу вполз маленький черный паук с красным пятном на спине. Типуана знала, что укус этого паука ядовит, – но она не шелохнулась, чтобы не выдать себя.

Звуки шагов стали слышнее, и вот на лесную прогалину выскользнул человек.

Смуглый высокий мужчина, вооруженный мачете и луком.

Типуана узнала его, это Скорпион, правая рука Черного Буйвола.

Скорпион осмотрелся, наклонился, разглядывая следы на земле, и снова исчез в зарослях.

Типуана перевела дыхание.

Она порадовалась, что догадалась запутать следы, пройти назад по своему следу, тем самым обманув преследователей.

Но Скорпион – опытный следопыт, он скоро догадается о ее уловке и выйдет на настоящий след.

Единственное, что может сбить его со следа, – это вода…

Типуана выскользнула из своего укрытия и принюхалась.

Ветер с запада принес аромат влаги…

Она быстро и бесшумно пошла на запад – и действительно скоро увидела перед собой протоку.

Вода – это жизнь. Но в то же время вода – это смерть. В ней таятся сотни опасных существ – и смертоносные пиявки, и водяные змеи, и беспощадные пираньи…

Но у Типуаны не было выбора.

Она шагнула в воду и поплыла.

И почти сразу увидела в воде огромное зеленоватое тело.

Это была царица леса, гигантская зеленая анаконда…

Типуана закусила губу, потом взяла себя в руки и взмолилась вполголоса:

– Царица змея, не губи меня. Я – твоя сестра, я родилась в этом лесу и живу его дарами. Позволь мне жить дальше!

Анаконда скользнула по ней холодным немигающим взглядом и проплыла мимо.

Типуана выдохнула и продолжила свой путь.

Полчаса спустя она подумала, что этого достаточно, что можно покинуть реку, пока ее не учуяли пираньи.

Но когда она уже подплыла к берегу, из леса снова донеслись едва слышные звуки.

Люди.

Охотники.

Прятаться было поздно.

Хотя…

Типуана отломила стебель камыша, зажала его в зубах и погрузилась в воду с головой.

Она дышала через камышинку – и смотрела сквозь зеленоватое стекло речной воды.

Она увидела, как на берег вышли двое охотников – Скорпион и его двоюродный брат Сурукуку.

Они остановились на берегу, вглядываясь в воду…

Неужели они заметили ее?

И тут рядом с Типуаной снова мелькнуло могучее зеленое тело анаконды.

Охотники отскочили от берега, скрылись в чаще.

Типуана еще немного выждала и вынырнула.

Она сложила руки в жесте почтения и благодарности и проговорила едва слышно:

– Благодарю тебя, царица змея! Благодарю тебя, старшая сестра! Ты спасла меня, ты взяла меня под свою защиту!

И тут она увидела, что возле большого дерева, купающего в реке свои ветви, вода словно вскипела.

Это приближалась стая пираний…

Эти существа не знают жалости!

Типуана метнулась к берегу и едва успела выйти из воды, когда пираньи проплыли мимо.

Чуть дальше по течению в реке стояла капибара, она

жадно пила воду и не успела заметить опасность.

Когда же капибара опомнилась, было уже поздно: первые пираньи подплыли к ней и набросились, отрывая куски от ног.

Капибара завизжала от боли и ужаса, обгрызенные ноги подогнулись, она упала в воду – и через считаные минуты от нее остался только скелет…

Типуана мысленно поблагодарила богов леса за то, что смерть на этот раз миновала ее, и пошла дальше.

Ей нужно было до заката дойти до единственного человека, который мог спасти ее.

Капитан Лебедкин сидел в своем небольшом кабинетике, склонившись над графиками и таблицами.

В кабинете было душно и тихо. Лебедкин чертил графики и разговаривал сам с собой, поскольку больше поговорить было не с кем. Его напарница Дуся отсутствовала: секретарша начальника Софья Павловна, которая с некоторых пор находилась с Дусей в нежнейшей дружбе, поскольку Дуся помогла ей в трудную минуту жизни[1], пригласила ее в обеденный перерыв обсудить свой юбилей.

Дуся и Лебедкин работали душа в душу уже несколько лет, и капитан не уставал благословлять судьбу за то, что у него такая замечательная напарница.

Капитан сосредоточенно почесал в затылке и тяжело

[1] Подробнее в романе Н. Александровой «Перстень Иоанна Грозного».

вздохнул, поскольку в его таблицах и графиках что-то не сходилось. К тому же ему ужасно хотелось есть, но последнее печенье он уже подъел, порыскав в ящике у Дуси.

Дуся не любила, когда лазают в ее стол, да и кто такое любит? Но есть хотелось невыносимо, и вот когда Лебедкин уже решился закрыть кабинет и спуститься в столовую, дверь открылась и вошла Дуся.

В кабинете сразу же стало тесно, как в купе скорого поезда, потому что Дуся…

Она сама себя называла «сто килограммов женской красоты». Сто не сто, но за девяносто там точно было. Но Дуся ни капельки по этому поводу не расстраивалась. И то сказать, всего у нее было много: глазищи синие, как два блюдца, щеки румяные, кожа гладкая, губы полные без всякого геля, все тридцать два зуба белее снега. И волос тоже было много, они вились непокорно, так что парикмахеры, выпуская Дусю из своих рук, только вздыхали: ненадолго, мол.

Но самое главное – от Дуси исходила такая жизненная энергия, что, по выражению прежнего их начальника полковника Медведкина, можно было бы осветить коттеджный поселок средних размеров, причем не только летом, но и зимой.

Дусю любили все. Мужчины обалдевали от ее внешности, женщины были с ней в хороших отношениях, поскольку Дуся никогда не отбивала чужих мужиков и не говорила гадости за глаза.

Свидетели предпочитали общаться с Дусей, потому что она была доброжелательна и спокойна, так что человек рассказывал ей все, что знал, и вспоминал то, что давно забыл.

Словом, Дуся была работящая, неглупая, энергичная и верная. Поэтому Лебедкину многие завидовали и пытались переманить Дусю к себе, но у них ничего не получалось.

При виде Дуси на душе у Лебедкина сразу полегчало, хотя есть хотелось по-прежнему.

– Ой, Петька! – Дуся сморщила нос и открыла окно. – Ты как к растениям относишься?

Капитан уважал только те растения, которые были съедобны. Вроде огурцов и помидоров. И еще зеленую травку, которую покупал для своего любимого кота Марсика.

Не дождавшись ответа, Дуся продолжала:

– Софья Павловна сказала, что вроде бы новое дело наклевывается, в Ботаническом саду убийство.

Лебедкин не удивился такой осведомленности: все знали, что Софья Павловна всегда в курсе всех дел.

– А откуда ты знаешь, что его нам поручат?

– Чувствую. – Дуся порылась в сумке и протянула напарнику гамбургер. – Ешь скорее, а то не успеешь!

Как в воду глядела: не успел Лебедкин доесть, как их вызвали к начальнику. И поручили то самое дело об убийстве. Начальник сказал, чтобы они поторопились, не тянули с расследованием, потому что дело уже получило большой резонанс, до высокого начальства дошло, и оно, начальство, уже

звонило и интересовалось.

Последнее сообщила Дусе Софья Павловна быстрым шепотом, потому что начальник… Начальник, которого они по старой памяти называли новым, хотя работал он у них уже больше года, был не то чтобы странной, но весьма специфической личностью.

Он был довольно молод, лицо гладкое, всегда чисто выбритое, прическа одна и та же, волосы – волосок к волоску, как приклеенные. Одевался начальник всегда в костюмы, которых, по наблюдению Софьи Павловны, было у него несколько штук, и все одинаковые, темно-синего цвета. Рубашки тоже все голубые, хоть бы одна в полоску… Узел на галстуке завязан хорошо, но сами галстуки гнусной серо-бурой расцветки.

Начальник никогда не повышал голоса, всегда говорил ровно, не меняя интонации. И даже если смотрел на человека прямо, в глазах его ничего не отражалось: глаза у него тоже были особенные – по выражению Пети Лебедкина, оловянные.

Лебедкин, вернувшись как-то от начальства, выдвинул гипотезу, что начальник у них – робот. А что такого, сейчас все возможно. Работает же одна такая в гостинице, все довольны…

Дуся тогда только рассмеялась, а Лебедкин возразил, что на Дусю-то начальник тоже не реагирует, как все остальные мужчины, а это о чем-то да говорит.

Остаток дня прошел в хлопотах, и наутро напарники отправились в Ботанический сад.

Сад был все еще закрыт для посетителей, но сотрудники тихонько занимались каждый своим делом.

Вопрос, который возник первым: за каким чертом директор приехал ночью в Ботанический сад? Забыл что-то? Но что такого важного можно забыть, чтобы сорваться ночью? К тому же охранник твердо стоял на своем: ворота ночью он никому не открывал и машину директора на территорию не впускал.

– Через забор он, что ли, перелез?

– Зачем через забор?.. – усмехнулся охранник Николай и рассказал про сдвигающийся прут в ограде, мол, про него все знают.

Капитан Лебедкин отправился посмотреть на прут, а Дуся пошла в бухгалтерию, чтобы выяснить кое-какие деликатные вопросы по поводу морального облика покойного директора Вареникова. Если что есть, в бухгалтерии скажут.

В бухгалтерии Дуся увидела прежде всего круглый стол. А на столе – круглый торт. И чайник и чашки.

Хозяйничали в бухгалтерии три женщины среднего возраста, но разной полноты. Блондинка помоложе еще только приобретала характерную бухгалтерскую фигуру, то есть пышный бюст, который является обязательным в этой профессии. Шатенка постарше была в самом соку, а вторая ша-

тенка – по-видимому, главная – уже достигала Дусиных параметров. То есть стремилась к этому, но до Дуси ей было еще расти и расти.

Дамы мельком посмотрели Дусино удостоверение, окинули ее взглядом, мигом признали за свою и пригласили к столу. Шатенка отрезала еще один кусок торта, блондинка поставила четвертую чашку.

– Ну что, дамы, – сказала Дуся, выбирая самый устойчивый стул, – давайте сразу к делу. Расскажите про директора.

– Глеб Михайлович, он… хороший был работник… – неуверенно начала блондинка.

– Да ладно тебе, Галя, – тут же перебила ее старшая, – не слишком-то он в работе разбирался, и как человек…

– Конфликты были? – Дуся решила направить беседу в нужную сторону.

Выяснилось, что конфликты были. Вот буквально на днях уволил он старейшего сотрудника Валентину Павловну Колобкову, а на ней в том отделе все держалось. Сказал, что ее методы устарели и что нужны молодые перспективные кадры.

– И как зовут этот молодой перспективный кадр? – понимающе улыбнулась Дуся.

Выяснилось, что зовут новую сотрудницу Кира Анатольевна Вешнева, только она еще к работе не приступила, потому что формально Валентину Павловну еще не уволили, две недели нужно отработать. Но директор очень торопился,

потому что…

– Понятно, – кивнула Дуся.

Бухгалтер уже протягивала ей копию паспорта. На фотографии хоть и плохо, но было видно, что Кира Анатольевна была молода и довольно хороша собой.

Впрочем, кто бы сомневался, учитывая внезапно вспыхнувший интерес покойного директора.

– Я сделала копию на всякий случай, а она сказала, что принесет диплом и трудовую книжку буквально на днях. Но теперь…

Дуся сфотографировала копию паспорта и собралась уходить, но уже в коридоре налетел на нее капитан Лебедкин.

– Ты где был, Петя?

– Слушай, машину его нашли! Стояла себе возле решетки, как раз где проход студенты сделали!

– Ну, значит, правильно охранник сказал, что про эту дырку в заборе все знают.

– Ага, а там еще напротив магазин электротоваров, а у него камера! Ну, проглядел я наскоро, потом надо будет ордер оформить, чтобы диск изъять, так там видно, что не один он приехал, а с женщиной. Такая… высокая брюнетка… кто такая?

– А я знаю. Это Вешнева Кира Анатольевна. – Дуся показала копию паспорта, что дали ей в бухгалтерии.

– Значит, приехал ночью, чтобы время приятно провести… – задумался Лебедкин. – Одного не пойму, зачем в

оранжерее-то это делать? Можно же в кабинете, там диван есть… И зачем на работе? Мужик не бедный, номер в гостинице, что ли, не мог снять?

Дуся не ответила, потому что в это время разговаривала по телефону. Звонила Софья Павловна, чтобы передать, что начальник срочно требует их к себе с полным отчетом. И от себя добавила, что снова ему сверху звонили и ругались.

– Дусь, а Дусь! – тут же заныл Лебедкин. – Может, ты сама с начальником поговоришь? А я пока смотаюсь по адресу, к этой, как ее, Вешневой…

– Так, может, ее и дома нету…

– Ну, хоть что-то выясню…

Петя смотрел на Дусю такими умоляющими глазами, что она согласилась. И то сказать, от Петькиных встреч с начальством никакой пользы, один вред…

Капитан Лебедкин сверился с адресом, который дали в бухгалтерии Ботанического сада. Все верно, улица Санитара Вчерашнего, дом семнадцать…

Это был типовой девятиэтажный блочный дом.

Перед вторым подъездом кто-то из жильцов разбил аккуратную клумбу с жизнерадостными желтенькими цветочками, названия которых Лебедкин не знал. Он вообще знал по названиям только те цветы, где упоминаются кошки. Кошачья мята, к примеру, или котовник. А еще львиный зев – лев тоже из семейства кошачьих.

Как уже говорилось, сердце капитана Лебедкина было прочно занято его котом Марсиком.

Капитан подошел к подъезду, нажал на домофоне цифры пять и восемь и приготовился уже представиться, но никаких вопросов не последовало, замок щелкнул, и дверь подъезда гостеприимно открылась.

Лебедкин вошел внутрь, подумав, что некоторые граждане нынче крайне неосторожны – как можно открывать дверь, даже не спросив, кто пришел…

Он поднялся на четвертый этаж, подошел к двери пятьдесят восьмой квартиры и увидел, что дверь эта приоткрыта.

Петя сокрушенно покачал головой: легкомыслие здешних обитателей переходило всякие пределы! Мало того что не спрашивают, кто пришел, так вообще двери не закрывают…

Он для порядка все же нажал кнопку дверного звонка, послушал раскатившуюся за дверью художественную трель и решительно шагнул внутрь квартиры.

Тут же из глубины этой квартиры донесся простуженный голос:

– Оставь возле двери!

– Что оставить?! – громко и удивленно спросил Петя.

– Заказ!

– Какой заказ?!

На какое-то время в квартире воцарилась тишина, затем послышались странные приближающиеся звуки – мерный стук перемежался с шарканьем и тяжелыми вздохами.

Наконец в прихожей появилась рыхловатая и полноватая блондинка с ногой в гипсе и костылем под мышкой. Лицо ее было болезненно бледно, под глазами темнели круги, светлые волосы свисали неаккуратными слипшимися космами.

Она тяжело оперлась на костыль, остановилась перед Лебедкиным и удивленно оглядела его, затем проговорила недоуменно:

– А где всё?

– Что – всё? – переспросил Петя.

– Ну, всё, что я заказывала. Продукты. Молоко, яйца, творог, колбаса, сосиски…

– Не понял…

– Ты ведь курьер из продуктового магазина?

– Вообще-то, нет.

– А тогда почему ты пришел? И кто ты вообще такой?

– А вы кто такая?

– Интересное дело! Ты меня еще спрашиваешь? Я, вообще-то, здесь живу, а вот ты как сюда попал?

– Да вы же сами мне открыли. Кстати, это неосторожно. Никогда не открывайте неизвестно кому.

– Да кто ты вообще такой?

– Я капитан Лебедкин, из полиции, – спохватился Петя и предъявил свое удостоверение.

– Из полиции? Ой, правда! А я подумала, что это курьер из магазина пришел… поэтому и открыла дверь.

– Нет, не курьер.

– Вы, значит, нашли того козла?

– Какого, извиняюсь, козла?

– Ну, того, который на меня совершил наезд. – И она выразительно взглянула на свою ногу.

– Нет, я по другому делу.

– По какому?

– Я, вообще-то, ищу одного человека. Женщину. Кира Анатольевна Вешнева здесь проживает?

– Ну да, здесь.

– И где она в данный момент?

– Как где? Вот она я!

– Вы?! – Петя еще раз внимательно оглядел свою собеседницу. Она нисколько не была похожа на роковую брюнетку, которую в один голос описывали в бухгалтерии Ботанического сада. А учитывая ногу в гипсе – тем более.

– И зачем вы меня разыскиваете? – настороженно спросила страдалица и оперлась на костыль.

– Это у вас следствие дорожно-транспортного происшествия? – вместо ответа уточнил Лебедкин, показав глазами на сломанную ногу.

– Ну да, я только позавчера из больницы выписалась.

«Значит, точно не она! – уверился Петя. – Мало того что под описание не подходит, так у нее еще и алиби! Хотя, конечно, в больнице проверить надо».

– Какая больница? – спросил он, доставая свой блокнот. Он предпочитал делать записи по старинке, на бумаге, а не

в телефоне.

– Варсонофьевская больница, на Охте.

Петя записал название больницы и нахмурился, обдумывая сложившуюся непростую ситуацию. Наконец он проговорил:

– Понятно… но все же я хотел бы взглянуть на ваш паспорт. Убедиться, так сказать…

– Паспорт? Одну минутку…

Женщина тяжело развернулась на костыле и запрыгала обратно. Лебедкину стало немного неловко, что он заставляет напрягаться жертву ДТП, но дело есть дело.

Он проследовал за блондинкой в комнату.

Она выдвинула ящик комода, достала оттуда книжечку в коричневой кожаной обложке, протянула ее Лебедкину:

– Вот он, паспорт!

Лебедкин принял у нее книжечку, развернул и удивленно проговорил:

– Где же он?

– То есть как где? – Блондинка потянулась к нему, вцепившись в костыль.

Коричневая обложка была пуста.

Паспорта в ней не было.

– Ой! – Блондинка села на диван и отбросила костыль.

– Так где же ваш паспорт? – настойчиво процедил Лебедкин.

– Был здесь… – растерянно отозвалась женщина. – Ниче-

го не понимаю…

– Вы его кому-нибудь давали?

– Ну, в больнице… там его потребовали. Меня ведь на улице скорая подобрала. Козел какой-то наехал и смотался… Ну, позвонила я тете Вере, она его привезла и еще что нужно…

– Тетя Вера… – задумчиво повторил Петя, записывая имя в блокнот, и опомнился: – Кто такая эта тетя Вера? Полное имя у нее имеется?

– Само собой… Вера Николаевна Тетеркина… Она моя тетя… то есть не родная тетя, а двоюродная, но у меня других родственников нет, и у нее тоже, так что мы вроде как родные…

– Понятно… – Лебедкин записал все в блокноте и снова взглянул на Киру: – Так, все же расскажите, что ваша тетя делала с паспортом.

– Ну, слушайте… значит, меня сбила на улице машина. Сбила и уехала. Меня по скорой увезли в Варсонофьевскую больницу. Палата на шесть человек, шум, гам… побоялась я паспорт там держать, тетя Вера его и забрала. В общем, как только разрешили, я выписалась. У них еще документы были не готовы, но мне хотелось скорее домой. Ну, тетя Вера и сказала, что за документами сама съездит… и съездила, вон все в папке… – Кира тяжело вздохнула. – А я паспорт и не проверила…

Лебедкин тоже вздохнул, записал телефон и адрес тети

Веры и ушел из квартиры несчастной Киры.

Выйдя из подъезда, он присел на скамейку и набрал номер гражданки Тетеркиной, чтобы выяснить у нее, что случилось со злополучным паспортом.

Но из телефонной трубки неслись только равнодушные сигналы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.